

Апрелевка и СМЫСА

Семен Грила

Апрелевка и смысл

Глава первая

Федор Степанович был отставным майором секретной службы. Ну, он так говорил. На самом деле он был пожарным, а в более ранние периоды биографии служил в войсках инженерных.

Отличительной особенностью теперешней жизни Федора Степановича было то, что он дружил с полоумным Серафимом – философом, которого то выгоняли, то печатали и создавали ему институты, то снова выгоняли. Теперь он был в зените славы, и отсветы ее грели и дядю Федора.

Третьим другом был писатель Никандров, персонаж скорее фольклорный. Ему казалось, что он такой народный, а на самом деле он был самопридуманный и жил в этом своем грибном мире с ежами и удавами.

Эти трое собирались по субботам в бане у Федора Степановича, и с годами это стало, с одной стороны, ритуалом, а с другой – оправданием того, что их объединяет. Они любили называть это клубом.

Вот и сегодня была суббота. Первым явился Серафим с авоськой, набитой пивом. Он брал только бутылочное. Любил бутылки сдавать.

Поинтересовался температурой. Федор Степанович сказал, что не разгонял еще, рано. 70 градусов.

Серафим пожевал губами, но промолчал. Поставил пиво на пол, сел на стул, положил руки на колени. Помолчали.

– Что думаешь, существует Всемирный заговор? – спросил.

– Не знаю, – ответил Федор Степанович. – Давай Никандрова спросим, он лучше этих понимает, хотя, впрочем, и ты наверняка точку зрения имеешь, – ухмыльнулся.

Дядя Федор считал Серафима сумасшедшим, но кто-то наверху любил эти бредни, и он продолжал разглагольствовать на все лады.

– Я Ратибора позвал, – сказал Серафим.

– Какого Ратибора? – охуел дядя Федор.

– Ну, этого, который культы русичей проповедует: дохристианская Русь и все такое. Он прям энергией весь исходит. Сотворит нам в твоей бане центр силы, – заржал Серафим, роясь в бороде.

– А чего ты меня не спросил? Его же Никандров не выносит.

– Да ладно, – огрызнулся Серафим. – Вынесет, не то выносил. Зато отлично умственно поборемся, а то кажется мне – закисаем. Жмемся.

Как же они меня задрали, подумал Федор Степанович, но делать нечего: дружить с этими упырями – была его нынешняя работа и попытка быть полезным. Был у него один знакомый – там, наверху, – пользовал его. А он был не против. Чувствовал себя живым. Через это всё. Своих тараканов тоже надо чем-то занимать, а то при нынешней картине мира недолго и свихнуться на старости лет.

Серафим что-то продолжал вещать, но Федор Михайлович пошел в дровник и слышал только интонацию. Нравственного выбора. Он засмеялся. Считают себя мессиями.

Глава вторая

Ратибор был штатным армейским сотрудником. Офицером. Или типа того. Маршал любил его и всегда звал с собой в инспекционные поездки. Вернее, брал. Отказаться было невозможно.

Это было утомительно и противно. Сначала марши, потом смотры, потом разбор полетов с криком, бранью, топатней ногами. Но это все ерунда, потому что потом наступал настоящий мрак – ужин с приближенными и принимающей стороной. Пили много, потом еще баня, потом пение и хор. Потом совсем непотребное, потом Ратибор ничего не помнил. Судя по виду начальства и устремленные в пол глаза обслуживающего персонала, начальство тоже ничего не помнило, но силилось, а обслуга старалась развидеть, но не могла. В общем, все не могли.

Ратибор, как правило, выступал во втором акте, когда шла вторая волна пьянки и хотелось поговорить по душам. Всем очень нравились рассказы, доказывающие, что когда-то мы были на своих нарративах, а не на английских рельсах. Что когда-то и Константинополь еще не надо было брать. В общем, всё сами, всё свое. Это бодрило. Тут начинали вспоминать Будду, но маршал это живо прекращал, и начинался третий акт посиделок.

Ратибор уверял себя утром, что он этого уже не помнит. Хотя помнил, конечно, но не хотел. Особенно когда маршал в кителе ездил верхом на тройке, запряженной принимающей стороной в виде голых интендантов обязательно в портупях и сапогах. Он радостно рычал и стегал их полотенцем. Они визжали от восторга.

Но наступало утро, и они улетали, и днем он уже валялся в своей постели, не желая возвращаться к жизни.

Глава третья

Жил Ратибор на Суцевском Валу, в Марьиной Роще, и ехать в ебеня, хоть и культурные, ему не хотелось. Но Серафим очень просил и говорил: будет отличный самогон. В Апрелевке всегда гнали отличный самогон, уверенно говорил он.

Надо было тащиться на Киевский вокзал. Он не любил его. Место дурное. То ли дело Савеловский. Поехали бы на водохранилище. Нет, им в баню подавай. К этому Федору Степановичу. Он его не знал, но уже ненавидел. Но самогонки хотелось, а бани – совсем нет. И там еще этот замшелый Никандров с этой его псевдоересью, ужас. Но обещал – надо ехать.

Он любил Серафима. Тот был совершенно отмороженным православным, и это умиляло Ратибора. Всё – еду, подумал он и нашел чистые носки. Ну, теперь точно. И он пошел на кухню. Долго шарил в холодильнике. Включил чайник. Вода была, закипела. Он любил пить горячую воду. Вот что будет, каким я вернусь завтра из этой Апрелевки, из этой бани, из этого самогона? Я буду уже другим. Может, вступлю в секту Серафима, или в батальон этого Федора, или стану писать галиматью, как Никандров.

Вот ведь жопа: идешь и не знаешь, каким вернешься.

Это Москва, тут всегда так. Все зыбко, неоднозначно и абы как. А потом глядь – и все как было. Чудное место.

Глава четвертая

Писатель Никандров писателем стал не сразу. Он долго мыкался, потом маялся. Писал репортажи, заметки и кляузы. Потом строй сменился, и он вдруг в один прекрасный день проснулся

классиком. Как это вышло, он не мог объяснить и теперь, когда прошло уже с тех пор много лет.

Он стал суперклассиком, ибо время сделало свой выбор: он жил и жил, а другие – нет. Его жизненная сила сделала его неистовым исполнителем всего на одной струне. И она не рвалась, но и он не сдавался.

Так и жил. И писал, писал, писал – по-разному об одном и том же. Постепенно стал примеряться и с Серафимом, но только потому, что любил проводить время у Федора Степановича.

Он был терпеливым или забывчивым. Нет, впрочем, забывчивым не был. Он одевался как все старики, считающие, что они выше одежды: что-то надето – и ладно. И это был не вопрос отрицания, старческой модели поведения. Ему казалось, что он вполне современен и одет как настоящий, а не притворный богач. Так ему говорили. Или он читал где-то. Ну, не важно. Он надел все, что считал нужным, и отправился. Его ждали.

Глава пятая

Была еще одна странная причина существования этой компании. Они все по отдельности считали, что спасают мир, и горячо болели за процесс. Эта компания совершала неистовый прорыв за границы смыслов, сокращала расстояния между галактиками, соединяла ежей с грибами и наделяла смыслами потерявшиеся души жителей их страны и всех прочих стран.

Впрочем, это было не важно, ибо это следовало одно из другого. Надо было спасти своих, а дальше все случится само.

Федор Степанович подбросил в печку несколько поленьев, проверил мясо для шашлыков, посмотрел, достаточно ли углей у мангала, и вернулся к Серафиму, который дремал там, где был оставлен хозяином полчаса назад.

Федор Степанович вспомнил, как увидел Серафима первый раз молодым, еще начинающим философом в МГУ. Недоучившийся, но азартный, он имел какой-то запал, и это, наверное, кого-то привлекало. Еще менее начитанных, еще менее думающих и, конечно, вялых и неазартных, которые загорались на сумасшедшие идеи и гладкие речи Серафима. Тогда еще Федор Степанович подумал, что держаться надо подальше, но на всякий случай из виду не терять. Так он и сделал. А потом вот как все повернулось.

Глава шестая

Федор Степанович растолкал Серафима и отправил его на станцию встречать Ратибора. Серафим идти не хотел, но Федор Степанович напомнил ему, что тот его позвал и еще и поставил перед фактом, не обсудив ни с кем заранее. Серафим ссутулился и отправился.

Как потом выяснилось, этой же электричкой приехал и Никандров. Поэтому они явились втроем. Два старика и ладный молодец, соответствующий имени.

Они ругались: Серафим отказывался признавать, что обещал самогон, а Ратибор отказывался пить пиво, которое он с детства не любил. Мирно настроенный Никандров вызвался сходить за самогоном, он про это все знал и добывал его для них с Федором неоднократно. Это привело компанию в полное согласие, хотя сначала еще долго решали, есть ли шашлыки посередине бани или после. Решили пустить на самотек. Это соответствовало концепции встречи людей с разными взглядами, но одинаковыми желаниями.

Ратибор натаскал в кадку воды, Федор Степанович проверил баню, Никандров принес самогон, Серафим нанизал мясо на шампуры.

Глава седьмая

– Неплохой пар, – сказал Ратибор. Все покивали. Помолчали еще. Потом Ратибор сказал, что ездил с вояками на полигон. Опять помолчали. Ратибор сказал, что еле встал сегодня с похмелья. – С вояками всегда так, – сказал Никандров. Опять помолчали. – Подкинуть? – спросил Серафим и потянулся к черпаку. – Ну, если немного, – согласился Федор Степанович. – Кидай давай, – поторопил Никандров. – Самогонки уже охота выпить. – Не спешите, – сказал Федор Степанович. – Дайте хотя бы пару шашлыков сделать. – А мне для пива ничего не надо, – сказал Серафим и подкинул еще. – Уши горят, – сказал Ратибор. – И душа, – подхватил Никандров. – Пошли выпьем.

Они вышли.

– Где ты этого Ратибора откопал? – спросил Федор Степанович, когда они остались одни с Серафимом.

– Так, одними дорогами ходим, – ответил Серафим. – После какого-то семинара, где вместе выступали, познакомились, стали общаться. Он на своей волне, конечно, без царя в голове: без нашего, но со своим.

– Стучишь на него?

– На него постучишь. Вояки потом тебе настучат.

– Да ладно, пошли, – закончил Федор Степанович, и они вышли из парной.

Ребята сидели за столом распаренные и довольные. – Уже много накинули? – спросил, глядя на их довольные физиономии, Федор Степанович. – Да нет, по две, – ответил Никандров. – Вот сейчас еще по одной, и все полетит. И поскачет. – Понятно, – ответил хозяин и пошел с шампурами к мангалу. – Сейчас закусим.

Серафим достал пиво.

Глава восьмая

Спорили уже часа три. Шашлыки были съедены, баня остыла, а они всё орали и орали. Серафим доказывал, что всепланетная сущность русского мира выше любой морали, а Никандров требовал наличия строгой морали строителя коммунизма.

Национальный вопрос держал их пока еще в рамках взаимоуважения, но искры носились знатные. Масла подливал Ратибор, пытаясь опрокинуть харизматиков пантеизмом и культами язычников. Но они отмахивались от него, называли недоразвитым фитнес-тренером, он обижался и посылал Никандрова за очередной бутылкой самогона. Спор мгновенно прекращался.

Материализм выпивки побеждал магию идеологии в два счета. Но вот Никандров возвращался – и все загоралось снова. Суть спора постоянно ускользала от Федора Степановича и Ратибора, они уже и не следили, а потом и вовсе ушли во двор и молча сидели, глядя на луну.

– Сирень хороша, – сказал потом Ратибор.

– Да тут всегда так, – согласился Федор Степанович.

– А ты сам-то как думаешь, нужна нам вся эта байда? – Ратибор кивнул в сторону дома.

– Нам – точно нет, – со смешком ответил дядя Федор. – А им – точно да. Они же сумасшедшие.

– А ты? – спросил Ратибор.

– И я, наверное, тоже. Но я жду Людочку, поэтому мне все нравится. Она обещала завтра приехать, и теперь я могу вытерпеть даже твои бредни. Давай задвинь что-нибудь. Как ты вояк агитируешь.

– Я не агитирую, я проповедую.

– А, ну да, я забыл – извини, – Федор Степанович встал. – Пошли, возьмем еще бутылку. Они, наверное, уже всё выпили, слышишь – стало еще громче.

Глава девятая

А Людочка в это время преследовала не опознанного еще убийцу семьи Погодиных. Она была экстрасенс. Она раскрывала убийства или намерения, если таковые были. Она была популярна среди своих знакомых, которым рассказывала о своих похождениях в потустороннем мире ощущений и грез. Ее любили все. Она располагала наивной подачей всего, что хотела подать. Она вселяла умиление и страх. Она царила, будучи не способной ни на что, но, погибая на глазах у собеседников, жила потом долго в их воспоминаниях.

Она ходила на телепередачи, и всем нравилось быть рядом со знаменитостью. Это все искупало и помогало Людочке существовать. Ее научил всему этому один старый развратник, который, слава богу, уже умер и оставил Людочке стезю, по которой она и шла то гордой поступью, то заплетающимися ногами – в зависимости от состояния ее души.

Вот такая вот взрослая теперь Людочка была музой Федора Степановича. Их платоническая страсть возникла в коридоре «Останкина», куда он пришел зачем-то – кажется, поддержать Серафима в студийной массовке. Она тоже участвовала. Их глаза встретились, потом они очутились в буфете. Серафим разглагольствовал, она смущенно молчала, а Федор Степанович желал убить этого чокнутого философа, ибо больше всего на свете хотел остаться с Людочкой вдвоем.

Глава десятая

Вернувшиеся с винокурни Ратибор и Федор Степанович были встречены Никандровым и Серафимом с восторгом. У них кончилось, и ни одна победа русского мира или народа-суриката не могла сравниться с видом новой непочатой бутылки.

Быстро налили. Быстро выпили. Всех как-то совсем развезло. И все разбрелись. Кто куда.

Серафиму вдруг захотелось курить, он пошел на станцию. Никандров заснул за столом, не закончив разговор с Ратибором. Федор Степанович пошел стелить гостям, а Ратибор, глядя на спящего писателя, стал напевать песни, которые он выдавал своим сторонникам за нетленные творения древлян. В общем, все четверо были счастливы.